

Гродзенскі абласны
выканаўчы камітэт

Нацыянальная акадэмія
наук Беларусі

Беларускі дзяржаўны
універсітэт

Гуманітарны цэнтр
даследаванняў Усходняй Еўропы

Гродзенскі дзяржаўны
універсітэт

Чаркаскі нацыянальны
універсітэт

Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур

Серыя
“Гістарыяграфічныя даследаванні”

Гродзенскі дзяржаўны музей
історыі рэлігіі

Гродна
2013
ЮрСаПрынт

УДК 930.1(477+476+475)
ББК 63.3

Рэдакцыйная калегія:

Караў Д. У., д. гіст. н., праф. (г. Гродна, Рэспубліка Беларусь) – галоўны рэдактар
Масненка В. В., д. гіст. н., праф. (г. Чаркасы, Украіна) – нам. галоўнага рэдактара

Борак Г. У., д.гіст.н., праф. (г. Кіеў, Украіна)
Бумблаускас А., д. габ., праф. (г. Вільнюс, Літоўская Рэспубліка)
Васіленка В. А., д.гіст.н., праф. (г. Днепрапятроўск, Украіна)
Галенчанка Г. Я., д.гіст.н., праф. (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)
Гарбацкі А. А., д.гіст.н., праф. (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)
Задаражнюк Э. Р., д.гіст.н., галоўн. н. с. (г. Масква, Расійская Федэрацыя)
Карнілава Л. А., дырэктар ГДМГР (г. Гродна, Рэспубліка Беларусь)
Мартынюк А. В., к.гіст.н., дац. (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)
Марзалюк І. А., д.гіст.н., праф. (г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)
Мірановіч А., доктар габ., праф. (г. Беласток, Рэспубліка Польшча)
Махначова М. П., д.гіст.н., праф. (г. Масква, Расійская Федэрацыя)
Рыбак А. А., нам. дырэктара ГДМГР (г. Гродна, Рэспубліка Беларусь)
Яноўскі А. А., к.гіст.н., праф. (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур / склад. Д. У. Караў, В. В. Масненка. (Серыя “Гістарыяграфічныя даследванні”). – Гродна: ЮрсаПрынт, 2013. - 424 с.

ISBN 978-985-90842-58-14

Аснову калектыўнай навуковай работы “Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур” складаюць навуковыя даследванні, прадстаўленыя ў фармаце дакладаў удзельнікаў міжнародных навуковых канферэнцый, якія былі праведзены ў г.Гродна 27 – 29 красавіка і 2 – 4 ліпеня 2012 г. на базе Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі, Гуманітарнага цэнтра даследванняў Усходняй Еўропы і Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Даследчыкі з Беларусі, Украіны, Расіі і Польшчы разглядаюць уплыў гістарычнай навукі ў сваіх краінах на фарміраванне гістарычнай свядомасці ўсходнеславянскіх народаў у перыяд Новага і Навейшага часу, закранаюць праблемы гісторыі ўзаемаадносін народаў-суседзяў у гістарычнай памяці і прафесійнай гістарыяграфічнай традыцыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы.

Кніга разлічана як на прадстаўнікоў навуковай супольнасці, так і шырокія колы чытачоў, якія цікавяцца гісторыяй культуры народаў Усходняй Еўропы.

УДК 930.1(477+476+475)
ББК 63.3

Міжнародны беларуска-украінскі выдавецкі праект рэалізаваны ў межах дзяржбюджэтнай тэмы А 39 – 11 “Замежнае беларусазнаўства XVI – пач. XXI ст.: асноўныя этапы і праблемы станаўлення і развіцця” (ДПНД “Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава. 2011 – 2015 гг.”)

ISBN 978-985-90842-58-14 (Серыя “Гістарыяграфічныя даследванні”)

© ГЦДУЕ, 2013
© ГДМГР, 2013
© ЧНУ ім. Б. Хмяльніцкага, 2013
© Аўтары артыкулаў, 2013
© Серыя “Гістарыяграфічныя даследванні”

УДК 930.1

Александр Литвинский,
(БарГУ, г. Барановичи)БЕЛОРУССКАЯ СЛАВИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.: К
ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье анализируется проблема определения белорусской славистики как предмета научного исследования. Показывается связь между белорусоведением и славистикой. Отмечается вклад западноруссизмов в процесс становления белорусской славистики.

In this article the problem of definition of the Belarusian Slavic studies as subject of scientific research is analyzed. Communication between a belarusian studies and Slavic studies is shown. The contribution of zapadnorussist to process of formation of the Belarusian Slavic studies is noted.

Славяноведение особенно бурно развивалось в XIX в., в эпоху национального возрождения славянских народов. Во многом оно явилось реакцией на философско-исторические построения немецкой классической философии и отчасти немецкой исторической мысли, для которой было характерно несколько пренебрежительное отношение к славянскому миру. Характерно, что и немецкая классическая философия, и славяноведение соответствовали духу европейского романтизма с его интересом к проблемам этногенеза, к народным традициям, к истории этноса и к языку как наиболее яркому выражению народной души.

Постепенно выкристаллизовались два варианта понимания термина «славистика». Широкое понимание данного термина предусматривает научное исследование славянских народов как некоей совокупности. В таком смысле славяноведение является своеобразной суммой, составленной из достижений русистики, украинистики, белорусистики, полонистики и т.д. и т.п. Если рассматривать белорусскую словистику конца XIX – начала XX в., то в таком контексте понятие «белорусская славистика» фактически тождественно понятию «белорусоведение».

Существует и узкое понимание термина «славистика». В данном контексте «славистика» – это исследование того общего, что было и есть у различных славянских народов. Особое внимание в этом случае уделяется проблеме этногенеза славян, реконструкции первоначального состояния их языка, духовной и материальной культуры.

Однако, между узким и широким пониманием термина «славистика», разумеется, нет непреодолимой грани. Дело в том, что зачастую, рассматривая сложившиеся исторически реалии жизни того или иного славянского народа, исследователь проводит сравнение с другими народами данной группы индоевропейской языковой семьи. При этом, иногда выделяется и специально рассматривается общеславянский контекст бытия того или иного народа.

Исходя из сказанного выше, можно констатировать, что изучение истории Беларуси, белорусского языка, фольклора, белорусских этнографических реалий является частью славистики в широком значении этого слова. Понятно, что в таком случае ученые-белорусоведы являются одновременно и славистами. Но если рассматривать это значение термина «славистика», то в таком случае оно разрастается до необъятных размеров. Уместно всё же рассматривать понятие «белорусская славистика» в общем контексте развития российского (если вести речь о времени пребывания Беларуси в составе Российской империи), европейского и мирового славяноведения. Иными словами, исследование в области белорусоведения являются

вкладом в славистику, если они через изучение белорусской специфики открывают научному миру новые грани жизни славянских народов в прошлом и настоящем.

Определение белорусской славистики как предмета исследования имеет ещё один весьма важный аспект. Так получилось, что кристаллизация самого понятия «Беларусь» происходило параллельно с развёртыванием исследований в области белорусоведения. Известен тот факт, что Беларусь в конце XIX – начале XX в. не имела крупных университетских центров, которые могли бы стать и научными центрами. В связи с этим многие уроженцы Беларуси находили своё научное призвание и признание вне пределов своей этнографической родины. К примеру, крупнейшие представители западноруссизма М.О. Коялович и П.Н. Жукович работали в Петербурге, а их единомышленник К.В. Харлампович – в Казани. На наш взгляд, их тоже можно считать белорусскими славистами, исходя из их белорусской этнической принадлежности. В этом отношении круг белорусских славяноведов второй половины XIX – начала XX в. включает в себя и тех, кто проводил исследования на территории Беларуси, и тех, кто работал в научных центрах, иногда находившихся вдалеке от Беларуси.

Имена историков-западнорусистов приведены в качестве примеров не случайно. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что именно западнорусистская историографическая школа во второй половине XIX в. занимала лидирующие позиции в белорусском славяноведении. В данном контексте не лишним будет упомянуть о том, что Е.Ф. Карский, крупнейший славист начала XX в. находился под сильным влиянием западнорусистских идей.

Оценивая вклад западнорусистов в славяноведение, следует обратить внимание на то, что они являлись продолжателями традиций славянофильства. Их лидер М.О. Коялович прямо и недвусмысленно демонстрировал свою приверженность к философско-историческим и методологическим принципам славянофильства, которые заключались в следующих тезисах:

- православный Восток коренным образом противоположен католическому (в меньшей степени, протестантскому) Западу;
- православие имеет духовное преимущество над католицизмом;
- Россия – лидер славянства и барьер против имевших западное происхождение социализма и революции [1; 12].

При этом М.О. Коялович совершенно не страшился возможных обвинений в субъективизме, которые ему могли предъявить, к примеру, сторонники позитивизма в историографии. «Я находил такой русский субъективизм, который и больше всех других обнимает фактическую часть русской истории и лучше других освещает действительные и существенные его стороны, – отмечал учёный. – Такой русский субъективизм я находил и нахожу в сочинениях <...> славянофилов. Он лучше других и в народном и в научном смысле» [5, с. 36, 37].

Верность идеям славянофильства предопределила во многом конкретно-исторические взгляды М.О. Кояловича и его единомышленников.

Противоборство двух начал: русско-православного и польско-католического, которому уделяли так много внимания славянофилы составляло, с точки зрения западноруссистской историографии, содержание и смысл всей истории «Западной России», т. е. Украины и Беларуси.

Религиозно-конфессиональный фактор истории данной школы считали определяющим для менталитета славянских народов. М.О. Коялович подчеркивал, что православие как нельзя лучше соответствует жизненному укладу славян, поскольку соборность восточного христианства дополняла их извечную общинность [6; с. 4 – 6]. Из этого закономерно следовала отрицательная оценка влияния католицизма («латинства») на славянские народы. Историки-западноруссисты рассматривали данное влияние в качестве силы, обезличивавшей славянские народы, превращавшей их в придаток Запада.

Представители данного направления исторической науки занимали довольно противоречивую позицию по отношению к белорусам и украинцам. Считая и тех, и других частью единого русского народа, они в то же время, в своем большинстве, признавали определенные этнографические особенности населения «Западной России». Среди этих особенностей ими назывались также отличия в обусловленных историческим опытом психологических качествах – в том, что мы называем менталитетом. Оценивая данные качества, М. О. Коялович отдавал предпочтение «малороссам»-украинцам перед белорусами, поскольку первые выгодно отличались от вторых энергичностью и активностью. Впрочем, по мнению ученого, и на белорусов, и на украинцев отрицательное влияние оказала «польская, иезуитская <...>, очень дурная цивилизация» [6, с. 43].

Свое отношение М.О. Коялович и его единомышленник П.Д. Брянцев высказали к такому специфическому сословию, как «малороссийское» казачество. Основным лейтмотив их оценки заключается в следующем: казачество, будучи призванным защищать православие, не справилось с этой задачей, привнеся к тому же в политическую жизнь абсолютно ненужные в ней элементы насилия, натуралистические описания которого не раз встречаются в работах этих историков [2, с. 478 – 480; 6, с. 269]. Опять же ими отмечается тлетворность польского влияния на казаков, хотя этот тезис, на наш взгляд, недостаточно аргументирован, поскольку проявления жестокости были характерны и для донских казаков, которые не испытали влияния польского менталитета.

Представляет интерес проводившееся представителями западноруссистской историографии сравнение менталитета белорусов и украинцев, с одной стороны, и великороссов, с другой. При этом П.Д. Брянцев оспорил (по-видимому, невольно для себя) основной тезис западноруссистов о единстве трех ветвей русского народа. Историк подчеркнул большую степень независимости и анархизма белорусов, а также украинцев по сравнению с русскими, всегда стремившимися к «высшей абсолютной монархической власти». Таким образом, П.Д. Брянцев указал на различие исторических путей этих народов [2, с. 119, 120].

К.В. Харлампович, представитель следующего поколения историков, принадлежавших к рассматриваемому течению, обратил внимание на существовавшие в XVII ст. отличия великороссов от белорусов с украинцами-«малороссами». «Уния Польши и Литвы, – писал он, – повела к объединению малороссов и белорусов в политическом и культурном отношении и к противопоставлению их, как одного целого, великороссам» [11, с. 4].

Различие между великороссами и населением «Западной России» хорошо осознавалось, по мнению историка, жителями Российского государства на протяжении всего XVII в., причём были случаи и «озлобления великороссов против «западных русских». Автор считал, что данные случаи объяснялись активным участием последних в делах российской Смуты начала XVII в.: активной поддержкой ими самозванцев и прямой интервенцией их и поляков в Россию [11, с. 17]. «За своих», по обоснованному мнению К.В. Харламповича, выходцев из «Западной России» в Московии не очень-то и принимали, о чём свидетельствуют факты повторного крещения выходцев из Западной России – крещения из неблагонадёжного «западнорусского» православия в... православие же, но только по-московски «благочестивое». Несправедливость такой процедуры историк не подвергает сомнению [11, с. 22, 23].

В западноруссистской историографии встречаются попытки отойти от жесткой привязки менталитета к конфессиональному фактору. В частности, П.О. Бобровский в качестве индикаторов этнической принадлежности предпочитал рассматривать язык, народные обычаи, а также «убеждения и нравственную философию», т. е. менталитет. А поскольку все это, на взгляд историка, совпадало у православных белорусов и

белорусов-католиков, то нет никаких оснований причислять последних к полякам, руководствуясь фактором их конфессиональной принадлежности [13, с. 177, 178].

Тезис о ведущей роли России в славянском мире и о русском народе как эталоне славянства являлся для историков-западноруссистов постулатом и в качестве такового фактически принимался на веру без каких-либо серьезных доказательств. Правда, сей тезис весьма трудно было согласовать с фактом существования Польши, поскольку, в силу исторических причин, польский народ выработал собственные ментально-ценностные ориентиры, столь непохожие на ориентиры, утвердившиеся в русском народе. Однако этот факт не смутил славянофилов – они просто-напросто считали поляков, прежде всего и главным образом шляхту, отступниками от своеобразного эталона, ибо шляхте вовсе были чужды идеалы православия, монархизма и общинности, столь дорогие для представителей анализируемого направления [1].

К идейно-теоретическим мотивам деятельности историков рассматриваемой школы в 60-е гг. XIX в. прибавились мотивы политические, связанные с противодействием польскому национально-освободительному восстанию 1863 – 1864 гг.: надо было дать отпор повстанческой идеологии и, кстати, доказать беспочвенность притязаний Польши на т. н. «Западную Россию» – Беларусь, Литву и Украину.

Именно в этот период предпринимаются значительные по своей масштабности попытки обосновать воинствующий антипольонизм научно-историческими изысканиями.

М.О. Коялович делал отступление от основной тематики лекций по истории «Западной России», посвящая одну из их истории Польши до конца XIV в. [6, с. 117 – 141]. Разумеется, «латинство» он считал главной бедой Польши, приведшей к резкой социальной дифференциации польского общества, к абсолютному бесправию «хлопов» и к ограничению королевской власти.

М.О. Коялович очень редко высказывался о Польше в благожелательном тоне. Даже в рассказе о Грюнвальдской битве он, быть может, невольно противопоставил полякам чехов, поскольку последние характеризовались им в качестве борцов за славянское дело, а вот поляки таковыми не могли быть «по определению» [4]. Впрочем, всё же в работе «Грюнвальденская битва» лидер западноруссистского направления в историографии пропел своеобразную оду славянскому единству, наиболее явственно, по мнению ученого, продемонстрированному в ходе этой знаменательной битвы.

Таким образом, по причине полонофобии, весьма ярко выраженной со стороны западноруссистов, их славянофильство имело несколько странный характер. Вообще говоря, сам термин «славянофильство» этимологизируется как «любовь к славянам». Причём, по идее приверженцы данного направления философско-исторической мысли, уже в силу заявленной ими позиции, должны были благожелательно относиться ко всем славянам без исключения. Однако исключение для Польши они всё-таки делали. Это объясняется не только общим социально-политическим контекстом, возникшим на землях Беларуси и Украины после разделов Речи Посполитой и присоединения их земель к Российской империи, но и популярностью во второй половине XIX в. панславистских идей. Польша в качестве силы, противоборствующей России, никак не соответствовала панславистской идеологии, поскольку последняя предполагала объединение славянских народов под эгидой Российской империи.

Всё это, безусловно, накладывало отпечаток на научную деятельность не только западноруссистов, но и представителей иных направлений российской науки, в том числе и тех, кого судьба так или иначе связывала с Беларусью. Без учёта этого фактора невозможно правильно оценить вклад в славистику прежде всего тех исследователей, которые придерживались западноруссистской идеологии.

Конечно же такое отношение к Польше довольно существенно снижает научную ценность исследований западноруссистов в области славистики. Более того, в какой-то

мере наблюдалась деградацыя навучных построений представителей данной идеологии, если речь шла об истории польского народа и о влиянии Польши на славянский мир.

Следует отметить, что так называемый «польский вопрос» вновь приобрёл остроту в связи с бурными политическими событиями начала XX в, выразившимися, кроме всего прочего, активизации польского национально-освободительного движения. Взвалив на поляков ответственность за все беды «Западной России», ревнители «русского дела в Северо-Западном крае» оправдывали этим свою воинствующую полонофобию, которая подкреплялась еще актуальностью политического момента. «Вся история отношений России и Польши была борьбой за существование. Если бы Россия не победила Польшу, то Польша сделала бы то же самое с Россией. Россия должна была победить Польшу или сама погибнуть» – с неуместной патетикой заявляло отражавшее православно-монархические взгляды издание «Окраины России» [9, с. 275].

Для того, чтобы обосновать свой радикальный антиполонизм и снабдить его подобием научной аргументации, «Окраины России» привлекли к сотрудничеству известного слависта конца XIX — начала XX вв. А.С. Будиловича, который, входя в состав редакции, вполне разделял ее взгляды. Он считал необходимым высказать на страницах газеты свое мнение об основных закономерностях польской истории. Его тезисы по данной проблеме таковы:

- в Польше «движения центробежные всегда преобладали над движениями центростремительными;
- Запад пагубно влиял на Польшу;
- поляки – «виновники утверждения Тевтонского Ордена»;
- история отношений этой страны с «Западной Россией» – «густая сеть интриг, именуемых Городельскою, Люблинскою и Брестскою униями»;
- «Запад поддерживал Польшу в борьбе с Россией»;
- «мятежи – гальванизация труппа Речи Посполитой» [10, с. 583 – 585].

Издание даже в присоединении восточных и центральных территорий этнической Польши к Российской империи умудрялось видеть благо для поляков, ибо считало, что «Россия тут оградила большую часть польского народа от воздействия немецкой культуры и постепенного, но верного онемечения». Польша же по мысли вдохновителя деятельности «Окраин России», отплатила империи черной неблагодарностью, поскольку явилась «проводником западных начал» [10, с. 5]. Вообще, своеобразная обида на Польшу по тем же мотивам, что и у «Окраин России», высказывалась сторонниками западноруссизма и ранее, как, впрочем, и определенное злорадство по поводу того, что принадлежность поляков и немцев к типологически единой западной цивилизации не спасала от порабощения первых вторыми [6, с. 358, 359].

Интересно отметить, что под определённым влиянием идей западноруссизма развёртывали свою научную деятельность такие известные белорусоведы, как уже отмеченный Е.Ф. Карский, а также Е.Р. Романов и А.П. Сапунов. Однако для данной группы исследователей главной была именно научная деятельность, а не связанная с ней общественно-политическая борьба. Их научное творчество достаточно основательно проанализировано исследователями, поэтому в рамках данной статьи вряд ли следует уделять ему повышенное внимание. Необходимо, однако, отметить, что их вклад в славистику выражался прежде всего во введении в общеславянский контекст белорусских реалий. Излишне напоминать о том, что они собрали и проанализировали богатейший материал исторического, археологического, лингвистического, этнографического характера. И всё же следует выделить фигуру Е.Ф. Карского и его капитальный труд «Белорусы» [3]. Характерно, что Е.Ф. Карский довольно последовательно рассматривал историю, язык, фольклор, этнографические особенности белорусского народа в общеславянском контексте. Недаром в труде

«Белорусы» надлежащее место отведено вопросу об индоевропейских и славянских корнях белорусского этноса. По прежнему остаётся актуальной высказанная ученым мысль о том, что прародиной славян являлось полесье и прилегающие к нему с севера районы Беларуси. Таким образом, Е.Ф. Карский внёс значительный вклад в разработку славистической проблематики в узком смысле этого понятия.

Среди исследователей, занимавшихся проблемой определения славянской прародины, необходимо назвать А.С. Будиловича – автора незаконченного труда «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях». Для дальнейшего развития славистики данный труд ценен тем, что в нём применён метод анализа лексики, прежде всего, ландшафтной, в процессе локализации той территории, которая являлась территорией проживания праславянского этноса. Данный метод применялся и применяется в научных построениях славистов последующих поколений [8].

Стоит отметить, что А.С. Будилович стремился рассматривать историю отдельных славянских народов как частей славянского целого и был последовательным сторонником панславистских идей. Кстати говоря, он вполне разделял характерное для славянофилов и западноруссисов негативное отношение к Польше (см. выше).

Представляется перспективным поиски славяноведческих аспектов в научном творчестве историков, которые не принадлежали к сторонникам западноруссиской идеологии. Здесь нельзя обойти вниманием такую крупную фигуру, как М.В. Довнар-Запольский. Его научное наследие весьма богато, и в нём явственно просматриваются славистические мотивы [7]. Особенно интересно постоянно проводимое в трудах известного ученого сравнение исторического прошлого белорусского, русского и украинского народов.

Начало XX в. стало периодом белорусского национального возрождения и окончательного оформления белорусской национальной идеи. В этой связи представляет интерес рассмотрение вопроса о том, насколько активно белорусские национальные лидеры начала прошлого века обращались к историческому опыту других славянских народов, которые прошли эту стадию ранее.

Таким образом, белорусский материал создаёт неплохие возможности для анализа вклада белорусских ученых в развитие славяноведения. Данный анализ может иметь хронологический и дисциплинарный аспекты. Иными словами, можно изучать историю становления и развития белорусской славистики как процесс, а можно исследовать вклад белорусских историков, этнографов, фольклористов, филологов в исследование различных аспектов славистической проблематики. Также актуальной остаётся проблема определения места белорусоведения в общем контексте развития европейской и мировой славистики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков, И.С. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос 1860 – 1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвитянина» и «Руси» // Аксаков И. С. Сочинения. – Т. 3. / И.С. Аксаков. – М., 1886. – 844 с.
2. Брянцев, П. Д. История Литовского государства с древнейших времён / П. Д. Брянцев. – Вильна, 1889. – 659 с.
3. Карев, Д. В. Е. Ф. Карский и история белорусской культуры / Д.В. Карев // Наш Радавод. – Кн. 2, Гродно, 1990. – С. 191 – 198.
4. Коялович, М.О. Грюнвальденская битва 1410 года / М.О. Коялович. – СПб., 1885. – 20 с.
5. Коялович, М.О. История русского самосознания: По историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович – 4-е изд. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 687 с.
6. Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович – М., 1864. – 348 с.
7. Ліс, А. Доўнар-Запольскі Мітрафан Віктаравіч / А. Ліс // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 272–273.
8. Нечухрын, А.М. Будзіловіч Антон Сямёнавіч / А.М. Нечухрын // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 113.

9. Окраины России. – Спб., 1906. – 750 с.
10. Окраины России. – Спб., 1909. – 754 с.
11. Харлампович, К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К.В. Харлампович – Казань: Издание кн. маг. М.А.Голубева, 1914. – 878 с.
12. Хомяков, А.С. Сочинения : в 2 т. / А.С. Хомяков. – М. : Медиум, 1994. – Т.1 : Работы по историософии. – 590 с.
13. Цвікевіч, А. Г. «Западнаруссизм»: Нарысы з гісторыі і грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А. Г. Цвікевіч – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 347 с.

Репозиторий БарГУ